

Телевизионные встречи с А.И.Солженицыным

Русская мысль. - Париж. - 1995. - 20-26 июля. - с. 9.
Школа не может быть ненациональной

«Останкино»
10 июля 1995

В конце июня в Москве состоялся всероссийский земский съезд учителей, такого в России не было с 1911 года. Собрались из 50 регионов из 800 человек — преподаватели школьные, учителя городские и сельские, работники системы народного образования, преподаватели педагогических институтов, активные деятели просвещения. И задача их была и цель — как нашу школу вывести из нынешнего кризиса, как оживить ее и поставить на твердые ноги.

Одна из форм, которая видится земскому движению, — это создание земской школы, т.е. школы государственно-общественной, где и программы, и весь учебный процесс, всё устройство регулируются не только государством, как сегодня, а совместно государством и местным народным самоуправлением.

Поразительно, что съезд этот не имел никакой поддержки от правительства. Более того, в ряде земств губернского аппарата созыв такого съезда встретил сопротивление, как встречают сопротивление вообще всякие попытки народного самоуправления. Это бесчувственность нашей нынешней государственной системы ко всякому живому движению в стране, ко всякому добному движению — совершенно удручаает. Это какой-то мрачный тупик. И что же будет дальше?

Сегодня, когда нам и уши и глаза заплывают, из телевизора и отовсюду, исторической политикой, этой, простите, предвыборной кампанией, которая уже почему-то идет полгода, и еще будет идти полгода, а потом еще следующие полгода, вот так полтора года будет нас трясти... Сегодня бесконечно трудно поверить, что мы сами, только мы сами, усилиями нашими, тихими, повседневными, настойчивыми, плодотворными, медленными, как пчелы отстраивают улей, сот за сотом, ячей за ячей, — вот так только мы можем поднять все в России, и в том числе образование.

Земство... Земство есть народное самоуправление всех живущих в данной местности. По этому самому смыслу и определению оно внепартийно, внеполитично и вненационально. Во всем, кроме одной оговорки. Школа не может быть ненациональной. Школа обязательно опирается на какую-то культуру.

У нас был блестательный пример советской школы, 70 лет у нас строили внешнюю школу. И гимны пели не только о дружбе народов, но и о том, что все народы сливаются в один, советский. 70 лет сливались, а потом в один-два дня, когда треснули границы, сразу же во всех республиках стали основывать свои национальные школы. Во всех республиках. И это естественно. И в этом упрекнуть их нельзя, это во всем мире так. В Швейцарии, где я жил, в Германии, Франции, знаю... Ведь вся школа строится на национальных принципах, национальных традициях, национальной культуре, национальной истории. Конечно, во взаимодействии, в разумном взаимодействии и отражении культур других, мировых.

В Америке это принимает уже совершенно крайне формы. Мои дети учились в американской школе, там больше двух третей гуманитарного образования заняты только самой Америкой. Все внутри Америки. И какой-нибудь ручей или камень, связанный с Гражданской войной или отличившимся лейтенантом, более известен, чем крупнейший политический деятель Европы.

И когда теперь в Америке печатают иногда мои статьи, то через каждые 3—4 строчки ставят сноску и объясняют: это лицо такое-то, это такая-то личность, такой-то термин, такое-то понятие, такое-то явление. Не знают. Издатели исходят из того, что читатели не знают. Но зато в каждом американском классе висит национальный флаг. И во многих школах произносят еще слова верности флагу, каждый день. А патриотизма там не только никто не стыдится, патриотизм дышит Америка, гордится патриотизмом. Америка воодушевлена своим патриотизмом.

Теперь национальные школы в наших российских автономиях. Они тоже всюду развиваются. Как только автономии определились, они везде развиваются. И тоже их не упрекнешь. Но здесь следует

сделать два предупреждения. Дело в том, что многие национальные школы автономий России хотят отойти от двуязычия, а дать чисто национальное воспитание на своем языке; русский язык и тем более русская культура и литература отнесаются ими.

Тут надо предупредить — с одной стороны, они сами себе утягивают, удлиняют, делают мучительным путь к вершинам мировой культуры. Потому что к вершинам мировой культуры через русскую культуру пройти значительно легче, нежели им самим искать эту дорогу. А во вторых, если мы единое государство, то что же это будет? Значит, у нас рассыплется единое языковое пространство, рассыпается образовательное пространство, культурное пространство, рассыпается и сама Россия. Все это надо иметь в виду.

Правда, в автономиях, конечно, есть везде так называемые «русские школы». Почему «так называемые»? Потому что в большинстве из них russkostь состоит только в том, что у них русский язык для преподавания. Но программы в той же Татарии или Башкирии идут о Татарии и Башкирии. История Татарии, культура Татарии. И русский язык — чем он становится? Становится ли он льготой и прошлом для русской культуры? Нет! Он становится как бы мостиком для того, чтобы ученик переходил в культуру данной местной автономии.

Во всем мире национальные школы — естественная вещь. Одни только мы, русские, боимся произнести сочетание «русская национальная школа». И вот, например, в Москве, столице России, сейчас две дюжины иностранных школ. Любая иностранная колония устраивает свою школу, их уже много. Русская национальная школа — одна, и то экспериментальная.

Что значит русская национальная школа? Боже упаси думать, что это значит принимать по этическому принципу, ничего подобного. Принимаются все желающие, но родители, отдавая своих детей, понимают, что там будет программа строиться на русской национальной традиции, культуры, языке, истории. О языке я сегодня не стану говорить, потому что это проблема отдельного разговора, это боль наша — сегодняшнее состояние языка.

Мы должны его спасать, иначе мы вообще скоро будем немые, мы лишимся языка.

Но история наша... У нас будто бы изучали историю в Советском Союзе. Да ничего подобного! Я еще в своей юности помню — у нас, в моих старших классах еще, не было даже понятия «история», такого предмета не было, потому что какая может быть история, если жизнь человечества началась с октябрябрьского переворота. Отсюда пошла история, а до этого не было истории. Потом ввели историю. Но как ее ввели? Русскую историю в историю СССР вклинили. Отдельными фрагментами, и то главным образом — классовая борьба, восстания, что сотрясало и обрекало Россию на революцию. Ощущение тысячулетнего, глубины, стержня единой истории, культурного, исторического — все это убирали, и поэтому сегодняшнее наше взрослое население просто невежественно в русской истории, ничего этого не знает.

Мы должны написать не просто хорошие исторические учебники, мы должны для старшеклассников составить хорошие хрестоматии, где бы мы учили их на отрывках из наших лучших историков — Карамзина, Соловьева, Ключевского, Платонова и других, на фрагментах из исторических документов России, приобщили их к настоящему духу этой истории.

В школе, о которой я сказал, экспериментальной, в Москве, такие предметы намечаются: русская словесность (это шире, чем русская литература). История русской книги, выдающиеся люди. Их всех пускали под откос, этих выдающихся людей, кто не был нужен по политическим соображениям, а это — огромный предмет, огромная история. История русской философии. Естественно, краеведение всюду в этих школах должно быть, потому что краеведение, знание своего края, его истории, истоков его культуры, разнообразных от края к краю, оно наиболее сливает нас с отечеством своим и с отечественной историей. Само собой — воспитание нравственное. Нравственное воспитание даже еще важнее образования. И оно в школе, всюду должно идти.

Среди этих предметов предлагают такой предмет — гражданское благочестие и российские законы. Посмотрите, как это

необычно звучит и вместе с тем — глубоко. Мы должны воспитывать и гражданина, и семью. И вот формулируют — гражданское благочестие и российские законы, его соотношение с российскими законами.

Этическое воспитание, нравственное, должно открыть все подавленные свойства склада русского характера, русской души, нашу широту, отзывчивость, открытость, доброту, сострадание, милосердие, вот этому всему открыть дорогу.

Но, конечно, окунаясь в русскую традицию и держа ее, не надо закисать в хороводах. Нет, мы должны школу держать на высочайшем современном уровне, и по научному уровню и по качеству. Именно теперь, когда наш народ находится в духовном провале, и молодежь наша особенно, именно теперь только и важно этим языковым и традиционным воспитанием сохранить, спасти, дать опору для возрождения нашего национального сознания. Но, конечно, черпая из наших истоков — исторических, культурных, ведя умственное, эстетическое и культурное воспитание, надо все время соотноситься с другими культурами, надо не дать возможности никаких путей открыть ни для шовинизма, ни для ксенофобии, которые, впрочем, и не присущи русскому народу, никогда не были. Но если мы будем, наоборот, стараться загонять русское национальное сознание в подвал, то мы вызовем его агрессивность.

Мы при большевиках имели интернационализм. Нас воспитывали в интернационализме. Интернационализм. Между нациями. Никакой нации не принадлежали. И между двумя-тремя табуретками. Садись между табуретками. И так большевики и сели. Двадцать пять лет пламенел интернационализм. А началась война с Гитлером — что сделали? Весь интернационализм спрятали до последней искорки и — Дмитрий Донской, Александр Невский, Суворов, Кутузов, святые знамена — и победили! А теперь говорят: «Победил великий социалистический строй». Нет, победили под патриотическими знаменами. Потому что каждая страна стоять может только на патриотизме, и мы это видели в Америке.

Естественно, что во всякой национальной школе не может не найти места религиозное воспитание. В пакте ООН о правах человека говорится: «Родители имеют право дать детям религиозное воспитание». Отказать в этом родителям нельзя. В русской школе (естественно, со сбросом на атеизм) те, кто будет выбирать религию, выберут православие. Значит, оно должно стать в расписании. Ничего нет пугающего для атеистов. Надо дать право факультативного отказа — не хочешь, не ходи. Если в этой местности есть какая-то нация, которая может организовать свое религиозное воспитание, тоже можно, и тоже — в расписание, и атеисты могут отказываться. Но то, что сегодня нам подается под видом возврата к религии, общее религиоведение, общая культурология, — это эрзац, это мимикрия, в которой бывшие марксисты, оставшиеся без хлеба, ищут себе, в какую форму войти, это не религиозное воспитание.

Если мы не дадим национального воспитания в школе, если мы не будем воспитывать этих патриотических чувств, этой глубины истории нашей тысячелетней в наших детях, то мы и будущую интеллигенцию получим вот такую, как сейчас, — без связей с национальной традицией, с национальным духом и с глубиной истории. И если когда над Россией, как над другими странами мира, в 21 веке прогремят свои военные грозы, то неужели мы можем надеяться, что наш народ пойдет воевать за права коммерции, за жиреющие банки, за этих грызнохвостов, расхватающих народное имущество? Нет, не пойдет.

В последние годы мы от радикаль-демократов слышим слово «патриот» как бранное. Не самое грязное, но предпоследнее по грязности. Самое грязное — «фашист», а предпоследнее — «патриот». И вдруг недавно по телевизору вижу: вождь радикаль-демократов, беседуя со своими сотрудниками, соратниками в предверии предвыборной кампании, говорит, склонив голову, буквально: «Нам трудно вымолвить, но ведь мы же с вами патриоты». Батюшки! Наконец-то! Схватились! Очнулись! Надолго ли? Или только до следующей избирательной кампании?

236

Печатается по видеозаписи с незначительными сокращениями.